

НЕУМОЛИМОСТЬ

I.

Вы часто испытываете страх? Где его место в вашей повседневности? Откуда он приходит? Легко ли с ним справиться? Удастся ли?

На что вы надеетесь? Откуда надежда является? Куда девается? Часто ли сбывается? Как уживается со страхом?

Приходилось ли вам ощущать свое тело – члены, органы, кожу, лицо, мозг – системой множества деталей, связанных тысячами уз, омытой лимфой, оживленной кровью? И (как, возможно, порой вспоминается) – одаренной душой? Вы ощущаете *себя*? Свое *я*? Такое уязвимое. Так бесконечно любящее себя. И жаждущее жить.

А случилось ли видеть *себя* частью *иной* системы? Вот этого любимого – зависимой деталью агрегата, послушной действию других его узлов? И – движущей детали, вверенные ей. Подчиняясь импульсам, повинуюсь приказам. Исходящим от силы, знающей, что вы живы и разумны. Но безразличной к этому. И решающей через вас свои – неведомые вам – задачи.

Доводилось ли вам служить? Служить радостно! Не благополучия ради, но общего великого дела для. С готовностью к жертве – до полного износа и сброса в утиль. Порой – под скорбный гул других деталей, сполохи искр и стон заклепок. Порой – под скрежет и вой их проклятий. А то и в молчании.

Чего боится деталь? К чему стремится? Каково это, осознать себя – ею? А ею – себя? И к чему ведет понимание, что великое дело – ложь? А система – служит вовсе не светлой цели, ради которой, а только самой себе.

Деталь подчинится? Восстанет? Или – отвалится, скроется, затаится вне системы, в дальнем углу, где есть только *ее* цель и *ее* дело?

Простите мне эти вопросы. Они здесь только потому, что я знаю: задают их себе и друг другу не все и нечасто. В том числе – в этой книге. Но те, кто задает и отвечает – ее главные герои. И среди них – автор. Виктор Серж – человек удивительной и суровой жизни. Ответивший на них. Своими книгами. И всей судьбой.

II.

Он был из тех, о ком революционеры-государственники устами Коссидьера говорят (как тот – о Бакуanine): «на первый день революции – это сокровище, на второй его следовало бы без лишних слов расстрелять».

А революционеры-либертарики (не путаем с либертарианцами!) считают их сокровищем, пока целы.

Его настоящая фамилия – Кибальчич. Он – родня Николаю Кибальчичу, что ваял бомбы «Народной воли». Отец его Лев – кавалергард и участник той же организации – избежав печальной судьбы соратников, бежит в Европу. И кочует по ней «в поисках хлеба насущного и хороших библиотек – между Лондоном, Парижем, Швейцарией и Бельгией»

Там-то в 1890 году и является на свет младенец Виктор.

Его мать – учительница Вера Подревская прививает ему любовь к литературе в «дешевых изданиях Шекспира и Толстого».

Повзрослев, юноша включается в политику, примыкая к Рабочей партии. Пишут и о его связях с эсерами. Оно и не странно. Ведь они наследуют идеям народников и методам «Народной воли», в которой состоял его отец.

Но вдохновляет Виктора великая мечта о воле и мире без власти. Ее прагматичный практицизм и высокий романтизм. Тогда «поэзия нам заменяла молитву, – напишет он в книге «От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера», – она вдохновляла нас, будучи созвучна нашей постоянной жажде возвышенного». Идеи анархии он воспеваает под ником Le Rétif – *Стронтивый* – в газете «Le Révolté»

(«Бунтарь»). Пишет и для французского издательства «L'Anarchie» («Анархия»), редактором которого становится.

Здесь, в редакции «L'Anarchie» знаменитый Жюль Бонно, прорвавшись сквозь кольцо полицейских после громкой операции в Лионе, встречает группу готовых на всё бойцов и формирует из них свой отряд.

А после – на квартире Сержа и его подруги Риретты Мэтржан – скрывается после атаки на банк «Сосьете Женераль». Виктор отрицает его методы, он пускает из солидарности. Вскоре тот исчезает. А полиция находит забытый им револьвер.

Виктор в тюрьме. Его объявляют «мозгом банды Бонно». Это не так, но приговор суров: пять лет. Отсидев, он едет в Испанию, где служит в типографии и участвует в забастовках и неудачных восстаниях.

Тут он и берет псевдоним *Виктор Серж*. Подписывает им то ли статью «Свержение царя» в издании «Terra у Libertad» («Земля и воля»), то ли – текст в защиту Фридриха Адлера, который крича «Долой абсолютизм, мы хотим мира!» убил премьер Австро-Венгрии Карла фон Штюргка и приговорен к смерти.

В феврале 1917-го Виктор едет во Францию, надеясь пробраться в революционную Россию. Но попадаетеся. И 18 месяцев сидит под арестом. Но в 1919 году его обменивают на французского офицера, взятого ЧК. И он приедет в Россию, умытую кровью и истерзанную террором и хаосом.

Вообразите сюжет. Вот – он. Сходит с поезда на Финляндском вокзале. А вот – большевики. Держат курс на диктатуру одной – собственной – партии.

Меж тем, на Северную Коммуну идет генерал Николай Юденич. Город в ужасе и голоде. Он оцетинен штыками. События и дух тех дней Серж блестяще передаст в книге «Завоеванный город». Ему чужда красная бюрократия и власть большевиков. Но он влюблен в революцию. И, считает, что спасти ее могут только они. Поэтому и вступает в РКП(б).

Впечатления о первых месяцах Республики Советов более или менее внятно передают Поль Вайян-Кутюрье, Жорж Дюамель, Леон Муссиак и Жак Садуль в его «Записках о большевистской революции». Но роман Сержа мощнее. Ведь в стане борцов за новый мир он не гость. А боец.

Но, считая лютость гражданской войны страшной неизбежностью, он отвергает террор в мирное время, как «безмерную развращающую ошибку».

Он работает в Коминтерне, ведомом Григорием Зиновьевым и Анжеликой Балабановой, не оставляя литературную жизнь. Публикуется в европейской печати. Общается с Маяковским, Мандельштамом, Есениным, чей труп в «Англетере» видит одним из первых.

В решающих для страны 20-х годах Серж участвует в идейной борьбе на стороне противников Сталина –левой оппозиции, созданной Львом Троцким, Карлом Радеком, Христианом Раковским и другими видными деятелями, куда хоть и недолго, входят Григорий Зиновьев, Лев Каменев и Надежда Крупская.

За участие в оппозиции в 1928-м его исключают из РКП(б). В 1933-м арестуют. И после восьми месяцев в тюрьме вышлют на Урал. А в журнале «Урал» – о, гротеск! – в 1989-м выйдет его роман о репрессиях – «Дело Тулаева». Первая публикация Сержа в России.

А в 30-х он неустанно пишет прозу и стихи, но – «в стол». Остальное его время, пишет его биограф и переводчик Ричард Гриман «проходят в добывании хлеба и дров». Серж и его семья без средств. И без возможности их найти. Его жена Люба, героически деля с ним победы и беды, сходит с ума. А Виктор пишет романы «Завоеванный город», «Обреченные», «Буря» и книгу стихов «Сопrotивление», посвятив ею товарищам по ссылке.

...ты сражался за свое спасение сам,
вместе с Чапаевым, Фурмановым,

с моим дружкой Митей, ссыльным пьяницей,
на Урале, высвеченном рассветами, –
но и это вам не удалось.

И ваша горящая кровь гражданских войн,
и ярость ваших сердец, партизаны,
всё оказалось бы забыто, бедняги,
если бы не нашлись бойкие авторы,
услужливые охотники за славой и деньгами,
и не превратили бы это в незабвенные сценарии и романы...

Но Серж – не из этих последних. В стихотворении «Задыхающийся» поэт горюет о крахе надежд русской революции, расстрелянных у сталинской стенки, но расписанных по трафарету дешевыми чернилами советской пропаганды.

...«Гражданин! Куда они дели весь воздух, а?»...

– вопрошает Серж. Ответа нет. Как и воздуха свободы. А значит, больше нечем дышать. Ни ему, ни соседям. Их образы войдут в книгу «Полночь века», написанную в 1939-м.

После убийства Кирова и начала Большого террора, Виктору грозит смерть. Его спасает ходатайство французских социалистов и «писателей-друзей СССР» Андре Жида и Ромена Роллана. В 1936 году ему разрешают уехать.

Но рукописи изымают. Сохраняются лишь стихи, которые он знает наизусть. И «Завоеванный город», переданный за рубеж тайно – частями – что во многом определяет структуру романа, сложенного из новелл, связь которых между собой видна не сразу.

Во Францию Сержа не пускают. И он селится в Бельгии с помощью видного политика и гуманиста Эмиля Вандервельде. Он вновь в борьбе. Его главный враг – тоталитаризм, что торжествует в Италии, Германии и СССР. О нем он «громко говорит правду, продолжая традиции русской революционной интеллигенции в момент, когда голоса русских коллег заглушены...»

Эта возможность есть. И он использует ее до конца – до падения Бельгии и Франции в 1940-м, когда Серж и его сын Владимир в «скорбном потоке слез» беженцев, спешат в Марсель и дальше – прочь от Гестапо, лагерей, смерти.

Победа нацистов – в том числе следствие политики сталинского Коминтерна, погубившей демократию в Германии, а после едва не приведшей к гибели международное левое движение. И это новое личное горе Сержа.

«Вот аллея нищих, – пишет он, – собравшая остатки революций, демократий и раздавленных умов». Ожидая отъезда на Вилле Бель-Эйр, он толкует с Андре Мальро и играет в сюрреалистические карты с Андре Бретоном. Первый останется во Франции и станет видным деятелем сопротивления. Второй укроется в Штатах. А Сержа с сыном примет Мексика.

Здесь он напишет важные тексты. В их числе – уже упомянутый роман «Дело Тулаева», который после назовут «уникальным детективом, где описан механизм работы сталинского аппарата» – системы подавления и контроля.

Исследователи считают, что «в этой книге нет другого героя, кроме страдающих масс», а «их запуганные вожди-бюрократы блестяще списаны с самой жизни». Роман навеян смертями Кирова и Троцкого, вскоре после убийства которого и написан.

К этому времени их пути расходятся. Троцкий считает, что Серж «мирится с центризмом». Да, он отчасти пересматривает свои радикальные взгляды. Но остается убежденным противником эксплуатации и тоталитаризма.

Иные биографы включают роман «Дело Тулаева» в число книг, сформировавших жанр «агенты Коминтерна, в ужасе рвущие со Сталиным», который «используют чтобы убедить американских читателей в опасных последствиях русской революции».

Но разве новость, что пропаганда легко «кооптирует», выворачивает и использует в интересах хозяев фактически любой текст?

Что же до разрыва со Сталиным и бегства, то «Дело Тулаева» отчасти перекликается с романом «Когда нет прощения», написанным в 1946 году и ждавшим издания до 1971-го, когда он впервые вышел во Франции.

III.

Эта книга пронизана отчаянием. Его истоки – в биографии автора.

Он живет и пишет в эпоху прекрасных обещаний и страшных поражений революционного движения: в 1921-м – разгром Кронштадтского восстания; в 1923-м – крах попытки начать мировую революцию в Болгарии и Германии; в конце 20-х – триумф Сталина над оппозицией, потом – «великий перелом» – репрессии против крестьян и интеллектуалов, колхозы. В 1933-м – победа Гитлера. Дальше – суды над «антисоветчиками-троцкистами» и тотальное подавление в СССР и намека на инакомыслие. В 1939-м гибель республики и анархического эксперимента в Испании. В 1939-м – советско-германский пакт. В 1940-м – убийство Троцкого. И, конечно, Вторая мировая – гибель тысяч соратников Сержа. Это – исток первый.

Второй – свой, подкожный опыт утраты иллюзий и надежд – преследования, тюрьмы, ссылки, лишения и изгнания. Виктор, как и многие подобные ему, не читая и споря, а *лично* проживает ситуацию, когда дело всей его жизни – *Революция* – желанное живое свершение – гибнет под катком революции-структуры, революции-бюрократии, революции-формальности. Леденеющей, звереющей и истребляющей своих, не желающих вписаться в ее лживый формат. Он, наверное, мог. Но не стал. Не пошел через крушение мира насилия, в мир насилия новый, иной. Где, кто был ничем, стал всем. И повел свой последний, решительный бой. Пугая род людской таким избавленьем.

Третий исток – послевоенное торжество тоталитарной версии социализма по ту сторону железного занавеса, и традиционного капитализма – по эту. С их эксплуатацией, машинами тайного сыска, войны и пропаганды. При отсутствии в мире масштабных либертарных проектов, способных быть ориентиром для такого человека как Серж.

Утрата исторической перспективы на фоне могущества чуждых сил – это ли не повод для отчаяния? При серьезном отношении к ней, как к ценности.

Таковы три источника и три составные части отчаяния Виктора Сержа, сквозящего в романе «Когда нет прощения».

IV.

Автор не преувеличивает. Прощения правда нет.

– И не может быть! – воскликнет кто-то, – В мире, где нет Бога! Ибо – откуда взяться-то? Коли кругом одни звери, машины и люди. Но и те, и другие, и третьи – все по этой части.

Да, искать в этой книге христианскую ноту, пожалуй, не стоит. Лишь порой слышен ее дальний отзвук в рассуждениях о свободной воле, природе добра, о том, что «когда царствует смерть, мы имеем право думать лишь о жизни» и «реальное могущество принадлежит не мраку, не камню, а жизни». А известно: и путь, и истина, и жизнь – Христос. Но, во-первых, Он здесь не назван. А, во-вторых, всё это – *умозрения* героев.

А реальный их *опыт* (как и там, где читатель сейчас) – безжалостность провокаторов и шпионских сетей вчера, сейчас и завтра. Будни осажденных крепостей. Когда-то – Ленинграда, а вчера – Кобани. Кровавое столкновение тоталитарной бюрократии и сопротивления ей в XX и в нашем веке.

Безжалостность описана в романе достоверно. Она знакома автору. Как и чувства детали, чудом обретшей волю к побегу и совершившей его.

Как и страх. Читатель легко его ощутит. Стоит лишь включить воображение, и представить себя на месте героев. *Здесь* он – антипод не радости и смелости; но тоски. Изнуряющей, как тяжкое бремя, тоски о желанных, но недостигнутых целях и несбывшихся великих прорицаниях. Потопленных в рутине убийств и готовности идти на

убой. Страх, присущий рискующему головой. И – с трезвейшей ясностью сознающему опасность личного действия. Напряжение. Сосредоточенность. Готовность. Необходимость переиграть смерть. И – несущего ее врага. Это – не азарт удалого любителя, а расчет одаренного профессионала. Но не солдата Армагеддона, а «труженика конца света», как назовет его Серж.

Стать им несложно. Всего-то дел – «заставить мозг замолчать». И увидеть, что бывает, когда «тростник перестает мыслить». А еще – море «людей, спящих наяву». И, конечно, фокусника, что «с ученой мордой достает из цилиндра веселого монстрика с черепом вместо головы и семью мягкими лапками, представляя его публике: Herr Geopolitik!» – господин Геополитик! Почтенная и образованная публика в восторге. Все кричат: «Ах, ах! Геополитика, мой друг, геополитика! Куда ты идешь, я знаю: навстречу пуле в задницу...»

Так не наплевать ли на знак: «”Внимание! Смертельная опасность”»? Еще одна маленькая смертельная опасность... Вот шутники».

Впрочем, чаще слышна не шутка, а ложь. Она описана чудно. Вписана. Прописана. Люди лгут легко. Как и говорят крайнюю правду. Кто – спасая свою жизнь. А кто – еще и того, кто невесть как стал дорог. Или – ради должности или награды. А то – чтоб убить и обокрасть. Пристроить нужного человека. Добыть денег. Спасти... Спасти...

При чтении прекрасной конституции – кто смеет думать об амуниции? В мире беспредельной проституции – разве мудро доверять полиции?

В этом романе тонко рассказаны инстинкты. Что главнее их? Борись за жизнь! Откуси врагу руку с пистолетом! Вырви глаз, кадык, сердце. Убей его. И его любовь. Он ее и сам бы убил, если б дали приказ. Жалея ли? Поняв ли, что-нибудь? Неведомо.

Но приказа нет. Так что можно поговорить. О разуме и истории. О том, что космос бредит, и это уже не остановить. О силе земли, душе, красоте. О слабом, но неизменном свете, проникающем порой сквозь стены камер и склепов. О том, что нас озаряет.

Но и герои, и автор помнят: оружие должно быть под рукой. Если повезет, оно пригодится. «Значение оружия для жизни человека можно сравнить лишь со значением бумаги», – учит Серж. Но и в эпоху, когда мандат наделен мощью многотонной бомбы, его почти безмерная власть может уступить власти пулемета.

Ни мига релакса. Ни грана покоя. Никакого доверия никому. Иначе – смерть. Разговор о ней и о цели – один из главных диалогов книги Сержа.

И о том, что когда всё так, могут ли люди любить? Как? Если знают, что штабы уже изучают театры военных кампаний, просчитывают жертвы первого удара; ресурсы второго и третьего года: сколько – руин, сколько – детей, сколько – солдат. Ведь, как и прежде, «человек – атом силы армий»...

Тайные службы сочиняют меры охраны себя и владык. И дьявольскую феерию ложных заговоров. Столько-то арестов; столько мест заключения; столько клещей и палачей; такие-то меры дознания; столько-то – признаний и оговоров; приговоров и казней показательных и тайных. И – надзор: электронная слежка; контроль коммуникаций; доносы, доносы, доносы.

Вопрос: «ничего подозрительного не обнаружили?»

Ответ: «всё подозрительно».

Обычный пароль на КПП страны, где если б у обочин ставили кресты в память обо всех убитых, они протянулись бы через весь континент, до горизонта, до полюса.

Система должна работать. Значит – изоляции и ликвидации... А вы (ведь до вас очередь пока не дошла?), может, и знать не знаете, как это бывает? А оно может случиться. В любой момент. Хоть сей секунд. И понять не успеешь – кто предал или убил. Жена, милый друг, умный гость. Может, еще услышишь: «...ничего не поделать... наберитесь терпения, уже недолго... Я действовал согласно приказу, поверьте...»

Ну, и, конечно – декорации. И непременно – манипуляции.

Службы управления массовым выбором. Мастера анализа общественного мнения. Еще большие мастера его формирования. Гении медиа-кампаний. Virtuозы фильтрации информации, редактирования и цензуры реальности. Методы создания и внедрения клише добра и зла; мифов о героях и злодеях, образов отважных борцов и продажных подлецов, великих вождей и людей-гвоздей, счастливых, когда молотком – по шляпе. Забытые дружбы, разбитые семьи, за и против, отец на сына, брат на брата, стороны баррикад, линии фронтов, оскал зубов, вопли и рукоплескания. Вот – их работа.

А вот и мудрец, что на мещанский вопрос «а скоро победа?» скажет прямо: «Наша победа не на земле и не во времени, она в бессмертном Расовом принципе». Или – «в великом Учении Ленина-Сталина». Или – «в священной Частной Собственности». Ну а госпожа или товарищ оправит слова эти в рамку и повесит над колыбелью сына...

Зловещ и опасен системе тот, кто это понимает.

Повстанец ей лишь досаден. Он отвлекает. Его надо одолеть. Сделать нужным. Использовать труп и имя: изверг, шпион, враг народа.

Куда опасней понявший и – скрывшийся. Система не может позволить бежать от себя. Ее девиз – найти и обезвредить. Будь ты хоть герой, хоть автор.

Замыслил побег? Откажись от всего. Бежишь? Будь готов ко всему.

А это трудно, если с тобой – женщина. Ты не в силах контролировать каждый ее шаг, слово, поступок. Она звонит по телефону, когда нельзя. Встречает другого любовника и говорит с ним, когда смертельно опасно. А рядом еще и маячит странный автомобиль. Ошибки и угрозы сцепляются в цепь, на нее нанизаны подозрения: «его убьют... меня убьют... он меня бросит... она меня сдала... как спастись... деньги, деньги, деньги... врут, что шпионы не ограничены в средствах». Она в панике. И унять ее – особый тяжелый труд. А сил, как и денег, у тебя в обрез.

Ну – да: фокусник верит в свои трюки, в тайны, коды, уловки, молчание, монстров, маски, игру. Но трюки копируют, тайны продают, коды вскрывают, уловки не работают, молчание нарушено, монстры в плену, маски срывают легче, чем лица, копирку, через которую печатали тайные депеши, бросают в мусорные корзины, игра не стоит свеч.

Ресурсы Системы, в отличие от твоих, безмерны. Ее мощь – в дисциплине верных ей деталей, умеющих многое и готовых на всё.

Она чувствует попытку самоопределения. И если ты не успеешь, успеет она. Так погибли тысячи. И сам Старик, стратег, трибун, герой истории и книги. Кто он – Старик? Троицкий? Видимо. Но если в истории он – глыба, то в книге – эпизод большой войны.

Мир этой войны – предвоенный Париж, блокадный Ленинград, крах Рейха, салоны пароходов, равнодушная сытость Америки, спасительная мексиканская глушь... Везде и полуграмотный солдат, и страстный пилот, и генерал контрразведки, и вообще – почти все – думают либо об атаке, либо о бегстве. И мы уже знаем, почему в их скудно обставленных приютах на ящике из-под консервов – кривой нож и наган. Оружие должно быть под рукой. А дальше? Твоя любовь гибнет от тифа голодной зимой, а соседи крадут подстилку с кровати, где она умерла, саму кровать, пару книг, зубную щетку...

Дальше – только могилы. Порой говорящие с нами о бренности сущего.

Принцип: поражение – маневр; отступление – подготовка к атаке. Стратегия – схватка воль. Где враг жесток технически, мы – дики. Прежде всего – с собой. Что нам стоит сказать: «товарищи, расстреляйте меня, как и остальных!» О'кей? Вот уже и она – грань, за которой таится безумие.

Длинные описания пейзажей, построек, нравов, море деталей, свет, тени, лица убийц, боль жертв, плеск воды, иллюзия защиты, утрата осторожности, афоризм за афоризмом, танец привидений. Но Партия всё равно вас найдет.

Зачем люди делают это друг с другом? Что ими движет? Что ведет? Не помешательство. А суровая, непоправимая нормальность. Бездонный, как подвалы Альтштадта и влажный, как заросли Мексики родник ужаса.

Зачем всё это было? Тайные сговоры. Обрывки идей. Измена и святотатство. «Высшее управление Образования, Психиатрическая служба Здравоохранения, Политическое руководство Армии, Политбюро, Институт Долголетия», хранящий кадры власти, истребляющей свои кадры.

Герой Сержа говорит прямо: «если бы у меня был справочник по археологии, я бы с удовольствием вырывал из него страницу за страницей и развеивал клочки по ветру над этими руинами». Само-собой! И вот – оно: «все страницы жизни вырваны...»

Допустим. Но как быть со списками убитых и убийц? Как не встать на путь, ведущий туда, куда точно не надо идти, плыть, ехать, лететь, бежать?..

Ответа нет. Как нет прощения. Но, возможно, еще есть силы. Тогда «на ветру хлопает дверь в никуда», и ты, как герой Сержа, кричишь: «НИЧЕГО!» И понимаешь величие этого слова.

V.

Не случайно он вкладывает в уста одного из героев, очевидно, собственную мысль: «Мы слишком старались погасить умы. Старая революция умерла, говорю тебе, нужна другая, совсем другая, и я ее не вижу».

Но, это «не вижу», не значит, что ее нет.

А только лишь, что и Серж открывает нам душу. Спрашивает: как жить, если вера в революцию – это вера в великое созидание, но строить *ничего*?

Что теперь делать писателю? И что есть писатель? – вопрошает он.

Мерзко думать, что твой дар паразитирует на жалком, пустом, ни на что не годном создании... Противно подчинять в себе писателя такому существу. Кропать заказные тексты на злобу дня? Что ж, хорошо, коль они дурны. А если – блестящи? Вот где драма. Вообразите: автор, живущий в жалком человеке – умней, честней и одаренней его. Порой, он взлетает до мастера – дерзновенного, проникновенного, парадоксального. В его книгах, сработанных на заказ, истинно бьется жизнь, дающая им блеск и силу.

Он может стать гением хоть красного реализма, хоть буржуазного авангардизма. И наоборот. Превратиться в грозу цензоров и аналитиков спецслужб. Или – в кладезь успеха издателей и хозяев журналов. В его текстах всегда будет то, что они упустят.

Чтоб не трусить этого, он будет пить. И нести такое, за что добропорядочная публика проклянет его по обе стороны железного занавеса. А прочая – прославит.

А проспавшись он напишет *такое*... И в героях *этого* его друзья узнают себя прошлых и нынешних. Таких, что кто-то усомнится: а подавать ли ему теперь руку?

Но при этом он будет коммерческим автором блистательных заказных поделок.

Что ж, в своем последнем романе Серж обсуждает и такой вариант. И не осуждает его. А просто к нему не готов. Не только потому, что тогда пришлось бы отказаться от титула, присвоенного ему другом – именитым испанским мятежником Хулианом Горкиным: *вечный скиталец в поисках идеала*. Но и потому, что нельзя было бы сохранить беспристрастность – остаться тем, кого Серж больше всего ценит в прозаике – свидетелем эпохи.

Но конец 40-х оставляет ему горький выбор: либо – *так*; либо, следом за героем своего романа, спросить: «чью бы жизнь с удовольствием отдать за окурков»? И не увидеть вокруг никого, кроме себя. И тех, кто еще дороже.

Так что пусть он приходит – тайный посланец Партии. С ледорубом, удавкой и ядом. Автор готов. Ему бы только дописать до конца. И он – дописывает.

И этим – доказывает, вовсе к тому не стремясь, что верность идеалам и участие в политике не исключают ни талант, ни труд художника, но дополняют друг друга.

Как бы это ни печалило сторонников политически неангажированной литературы, часто ангажированные авторы создают образцы высокой прозы и поэзии.

Без сомнения, в их числе Виктор Серж. Как и всю жизнь с ранней бельгийской юности, и в Мексике он – поэт. До последних минут. В самом прямом смысле слова.

14 ноября 1947 года он несет сыну-художнику новые стихи. Не застает дома и посылает по почте. А через пару часов умирает в такси.

Владимир узнает об этом ночью. Спешит в полицию и видит: вот он – на столе. Его поражают башмаки отца: чистые, но – с худыми подошвами.

На лице пистеля посмертная маска. Художнику доступны лишь руки. Их он и рисует.

А вскоре по почте приходят стихи. С названием «Руки».

И с ними – новое свидетельство неумолимости.

Не боясь, что это собьет ритм моего текста, скажу: цитирую их фрагмент (как и фрагмент «Задыхающегося») по сборнику «Сопrotивление» (СМИ, 2015). И завершаю.

...вены на висках казненных на электрическом стуле

вскипают как сгустки бунтующей крови

под кожей, блестящей от пота,

который страшнее пота распятого Христа.

<...>

Я, издевавший пытки, ты, издевавший пытки,

мы всё же должны суметь, друг ради друга,

с одного конца времени в другой

бросить в неумолимое равновесие вселенной

хотя бы хрупкую мысль, знак, строку,

возможно, она не имела бы сути, свечения,

но она была бы!

Дмитрий Петров

Послесловие // Серж Виктор. Когда нет прощения. Роман. Перевод с франц. Ю.В. Гусевой. М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2017. С. 344-359.